

УДК 821.161.1

*Г.С. Жарников**

ИГРА КАК ЦЕННОСТНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ МИРА (ИГРОВЫЕ СТРАТЕГИИ И. БАБЕЛЯ)

В статье рассматривается игровая природа повседневных поведенческих практик И. Бабеля. Выявляются конституирующие черты мироощущения писателя, непосредственно связанные с игрой и весельем («веселый обман», маска, гротеск, мистификация). Выделенные структуры указывают на чрезвычайную близость авторского мироощущения народно-праздничному настроению ярмарки, что дает основание полагать: природа бабелевского дара была «созвучна» глубинным, «игровым» процессам, актуализировавшимся в революции и Гражданской войне. В статье создается платформа для понимания игровой сущности главного свершения писателя – цикла «Конармия».

Ключевые слова: «Конармия», И. Бабель, игра, маска, гротеск, мистификация, праздник.

В работах, посвященных творчеству И. Бабеля, недостаточно внимания уделяется изучению игровой природы художественного мышления писателя. В то же время мемуаристы, биографы и сами исследователи говорят о необыкновенной важности «игры» и веселья в мировоззрении автора. Знаменитый мистификатор, насмешник, весельчак именно с этой стороны своего творчества остается до сих пор почти совершенно неизученным. Задача статьи – выявить доминантные игровые стратегии И. Бабеля, которые он реализовывал в своей повседневной жизни и которые легли в основу его творчества.

Начать, пожалуй, стоит с бабелевского признания на одном из писательских вечеров в 1937 году: «Если я выбрал себе читателя, то тут же я думаю о том, как мне обмануть, оглушить этого умного читателя?» [1] Оставляя в стороне многочисленные примеры реализации подобной стратегии, стоит поговорить о самом принципе. Выходит, что Бабель в основу своего творчества закладывает ярко выраженную игровую матрицу: во-первых, выбирает себе соперника, к тому же умного (т. е. задается соревновательный момент); во-вторых, ему обязательно нужно одурачить, обмануть читателя. По аналогии вспоминается знаменитая история с М. Горьким. Неаполитанский жулик однажды обвел его вокруг пальца, но сделал это ловко и с таким невероятным артистизмом, что Горький рассказывал об этом с восхищением. В подобном сопоставлении исследователи находят общую тягу писателей к артистизму, артистической концепции жизни, но интересна здесь сама ситуация обмана, игры. Обманщик – Бабель и обманутый Горький едины в своем мироощущении, которое, несомненно, берет свое начало в народном празднике: «Иногда владельцы маленьких балаганов занимались настоящим мошенничеством, но это сходило им с рук, <...> сама стихия

* © Жарников Г.С., 2017

Жарников Геннадий Сергеевич (zharnikov.gs@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

народного праздника подразумевала непременно одурачивание, всякого рода мистификации, тяготела к смешным алогизмам, нелепостям, абсурду» [2, с. 156].

Разыгрывать, дурачить людей Бабель очень любил. При этом он всегда исполнял какие-нибудь роли. Например, «играя» больного, начинал стонать на разные лады. Когда вбегала в комнату обеспокоенная жена, писатель, простонав еще некоторое время, смеялся: «...я разыгрывал перед Вами еврейские стоны» [3, с. 267].

Он мог притворяться скупым и не брал в трамвае билет, при появлении же контролера выпрыгивал. Жене приходилось спрыгивать вместе с ним.

В ряду «ролевых игр» стоит и воспоминание Т. Стах о том, что Бабель, пытаясь избежать назойливых звонков, иногда отвечал по телефону совершенно менявшимся «женским голосом» [4, с. 182]. Подобные проделки в целом не удивительны, однако стоит напомнить, что на момент этих трюков Бабелю было уже 40 лет.

Таким образом, писатель почти непрерывно существует в ситуации маски, праздничного переодевания. Понимание этого может помочь по-новому взглянуть на «Кон-армию», увидеть ее главную проблему как проблему маски среди других масок («праздничных» личин). Не случайно писатель, поступив в 1-ю Конную, берет себе псевдоним — Лютов.

Помимо приема «маски-роли», Бабель пользуется и своеобразной игровой авторепрезентацией: «...короткое время положено мне для Парижа, буду рыскать, как волк, в поисках материала» [6, с. 336]. То же самое слово «рыскать» появляется в «Конармии» в праздничной, игровой обстановке: «На равнине, гладкой, как доска, перестраивались бригады. Солнце катилось в багровой пыли. <...> Афонькины разведчики рыскали по полю, выискивая мертвецов и обмундирование» [7, с. 68]. Во-первых, мир здесь дан как развернутая плоскость, как сцена, на которой выстраивается действие; во-вторых, очевиден особый характер движения: рыскать — «празднично-балаганное» описание, рыскают всегда со страстью, одержимостью.

В переписке Бабель вообще «играл» очень часто, например, с одними своими знакомыми он в четырех письмах прощался, кланяясь «от бела лица до сырой земли» [6, с. 8, 9, 217, 224].

Отдельно стоит упомянуть о бабелевской любви к мистификациям. До сих пор достоверно неизвестно, встречался Бабель со Сталиным или такой встречи не было. В то же время существуют даже разные легенды этих встреч. Про службу в ЧК также много говорили, однако никаких документальных свидетельств этому не найдено. При Бабеле часто рассказывали о том, что он спускался в подвалы и присутствовал при расстрелах, но сам писатель никогда не опровергал этого, он с таинственной улыбкой молчал.

Как было показано выше, ярмарочной праздничной атмосфере свойственны абсурд, алогизм, нелепость. Бабель чрезвычайно любил подобные шутки. Выдумка могла выглядеть абсолютно неправдоподобно, но от этого было еще смешнее: «Свою мать он мог представить кому-нибудь: “А это моя младшая сестра”, а о сестре сказать: “А это наш недоносок”. Писателя Гехта представил Есенину как своего сына» [3, с. 266–267].

Чрезвычайно близка Бабелю такая древняя форма народной образности, как гротеск. Например, когда жена звонила с работы домой, чтобы узнать, как дела, Бабель ей отвечал: «Дома ничего особенного, Шура на кухне со своей подружкой играет в футбол... Грудями перебрасываются» [3, с. 269]. Здесь можно вспомнить раблезианско-бахтинские образы с их неизменно выпирающим телом или же гоголевскую нимфу на стене трактира в «Мертвых душах»: «...на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал» [8]. В любом случае это гротескная концепция тела, гротескное мировидение, чрезвычайно близкое мышлению автора.

Писатель преображал реальность постоянно: узнав, что отец его жены, оставшись сиротой, воспитывался от 13 до 17 лет в доме священника, Бабель сразу «переделал» своего тестя в попа. Уверяя всех знакомых, что он женат на поповской дочке, писатель рассказывал о том, что поп приезжает погостить к нему и вместе они пьют чай из самовара. Паустовский долго принимал эту выдумку за чистую монету. А.Н. Пирожкова подчеркивает — Бабелю нравилась сама ситуация «поп и еврей». И самое важное здесь, конечно, совмещение несовместимого, «карнавальная встреча», которая так веселила писателя.

Особую праздничную атмосферу Бабеля отмечали многие люди, его окружавшие. Прямым свидетельством этому служит письмо его подруги О.И. Бродской к Л.Н. Лившиц, которая описывает радостное ощущение от короткого незначительного разговора с писателем: «Вчера по делу звонила Исе — как мы с ним замечательно 3 минуты поговорили.

Когда я отошла от телефона, мне казалось кругом все праздничным, и мои пижамные штаны — поэтическим радостным платьем» [5, с. 115].

Все перечисленные примеры — хорошая иллюстрация к жизненной философии писателя: «...человек рождается для веселья и наслаждения жизнью» [3, с. 265]. Однако интересны они и с другой стороны. Дар Бабеля совершенно случайно оказался «созвучен» эпохе, близость к народным истокам, к празднично-ярмарочным структурам, наделила его необычайной чуткостью к «музыке» революции и Гражданской войны. Он парадоксальным образом оказался *соприроден* поднявшейся стихии с ее смехом, гротеском, сменой верха и низа.

Возникает и еще одно соображение: при всей трагичности библейского пафоса «Конармии» нельзя не заметить, что в образе Лютова прослеживаются некоторые черты плута. На протяжении всего цикла он пытается «сыграть в другого», сойти за своего, обмануть красноармейцев. К тому же на вопрос рабби Моталэ о роде своих занятий Лютов отвечает, что перекладывает в стихи похождения Герша из Острополера — фольклорного народного шутника. Несомненно, плутовское начало было по душе самому Бабелю. С неизменным интересом пускался он в самые страшные и загадочные места, чтобы превратить опыт в художественный результат. Однажды, когда они с Утесовым видели человека, злобно дразнящего палкой волка в клетке, Бабель остановил готового вмешаться друга: «Молчите, старик! <...> Человек должен все знать. Это невкусно, но любопытно» [4, с. 211]. Любопытство — ключ, открывающий перед Бабелем все двери, что и роднит его с древней фигурой трикстера, беспрепятственно проникавшего в любые области и сферы. Несмотря на свою обманчивую природу, иногда трикстер способен совершить доброе дело. Например, он спускается в преисподнюю, чтобы переиграть черта, как и скоморох, отправляющийся в инишное царство, чтобы переиграть царя Собаку. «Конармия» — это попадание в потусторонний мир (мир перевернутый — по представлениям древних славян, загробный мир перевернут). Любопытно, что и сами герои не слишком скрывают свое «потустороннее» происхождение: так, политический комиссар N-ской кавбригады представляется польскому генералу: «...музыкальный эксцентрик и салонный чревовещатель из города Нижнего... Нижний город на Волге реке» [7, с. 95]. Он будто бы родом из некоего «Нижнего мира», царства, законы которого теперь распространились и на землю.

В новелле «У батьки нашего Махно», которая не включена в «Конармию», но также посвящена событиям Гражданской войны, ярко показана принадлежность казачьей стихии в данный момент к инишному царству, к перевернутому антиповедению, герой, «слышший в штабе дурачком» (дурак — несомненно, праздничный код, так, в древнерусском смехе «авторы притворяются дураками, “валяют дурака”, делают неле-

пости и прикидываются непонимающими <...> Это их “авторский образ”, необходимый им для их “смеховой работы”, <...> “дурить” и “воздурять” все существующее» [9, с. 9–10]), прокламировавший антиценности, показательно ходит на руках («переворачивание» осуществляется буквально). Здесь же вновь открывается трикстерская, плутовская природа рассказчика: «...я решил узнать, как выглядит женщина после изнасилования, повторенного шесть раз» [7, с. 415].

Таким образом, автор ведет свою «игру» на предельно жестком, бескомпромиссном материале. Исааку Бабелю удается описать русскую культурную матрицу в период ее наивысшего проявления на изломе эпох именно «праздничными игровыми средствами». И эта проблема требует дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Вайскопф М. Убегающий Христос: Иудаизм и христианство в системе мотивных координат Бабеля // НЛО. 2015. № 131. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/1/13v.html> (дата обращения: 04.12.2016).
2. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. Л.: Искусство, 1984. 191 с.
3. Пирожкова А.Н. Я пытаюсь восстановить черты: о Бабеле – и не только о нем: воспоминания. М.: АСТ, 2013. 605 с.
4. И. Бабель. Воспоминания современников. М.: Советский писатель, 1972. 375 с.
5. Бабель И.Э. Письма другу: из архива И.Л. Лившица. М.: Три квадрата, 2007. 160 с.
6. Бабель И.Э. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Письма. М.: Время, 2006. 635 с.
7. Бабель И.Э. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. 656 с.
8. Гоголь Н.В. Мертвые души. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml (дата обращения: 04.12.2016).
9. Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 194 с.

References

1. Weisskopf M. *Ubegaiushchii Khristos: Iudaizm i khristianstvo v sisteme motivnykh koordinat Babelia* [Fleeing Christ: Judaism and Christianity in the system of motivic coordinates of Babel]. *NLO* [New Literary Observer], 2015. No. 131. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/1/13v.html> (accessed: 04.12.2016) [in Russian].
2. Nekrylova A.F. *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniia i zrelishcha. Konets XVIII – nachalo XX veka* [Russian folk city festivals, amusement and entertainment. End of the XVIII–beginning of the XX century]. L.: Iskusstvo, 1984. 191 p. [in Russian].
3. Pirozhkova A.N. *Ja pytaius' vosstanovit' cherty: o Babele – i ne tol'ko o nem: vospominaniia* [I'm trying to restore the features: on Babel – and not just about him, memories]. M.: AST, 2013. 605 p. [in Russian].
4. Babel I. *Vospominaniia sovremennikov* [Memoirs of contemporaries]. M.: Sovetskii pisatel', 1972. 375 p. [in Russian].
5. Babel I.E. *Pis'ma drugu: iz arkhiva I.L. Livshitsa* [Letters to a friend: from the archive of I.L. Livshic]. M.: Tri kvadrata, 2007. 160 p. [in Russian].
6. Babel I.E. *Sobr. soch.: v 4 t. T. 4. Pis'ma* [Collected works: in 4 Vols. Vol. 4: Letters]. M.: Vremia, 2006. 635 p. [in Russian].
7. Babel I.E. *Rasskazy* [Short stories]. SPb.: Vita Nova, 2014. 656 p. [in Russian].
8. Gogol N.V. *Mertvye dushi* [Dead Souls]. Retrieved from: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml (accessed 04.12.2016) [in Russian].
9. Likhachev D.S., Panchenko A.M. *Smekhovoi mir Drevnei Rusi* [Laughing world of Ancient Rus]. L.: Nauka, 1976. 194 p. [in Russian].

G.S. Zharnikov*

**GAME AS AXIOLOGICAL EXPERIENCE OF THE WORLD
(GAMING STRATEGIES OF I. BABEL)**

The article deals with the game nature of everyday behavioral practices of Isaac Babel. We identified constitutive features of the writer's attitude which are directly related to the game and fun («fun deception», mask, grotesque and mystification). These structures indicate the extreme closeness of Babel's attitude to the people's festive life. This gives reason to believe that the nature of the Babel's gift was «in harmony with» the deep gaming processes, which was actualized in the Revolution and the Civil War. The article creates a platform for understanding the essence of the gaming aspect in the «Red Cavalry».

Key words: «Red Cavalry», I. Babel, game, mask, grotesque, mystification, holiday.

Статья поступила в редакцию 21/XI/2016.
The article received 21/XI/2016.

* *Zharnikov Gennadiy Sergeevich* (zharnikov.gs@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation